

БЕЛКИН В. Н.

«Два города в судьбе моей...»

Два города в судьбе моей...
Один среди полей России
пригрелся у озерной сини
под шелест лип и тополей.

Другой у яростной реки
в краю сибирском срединном
стоит, как сказка, над стремниной
в живых объятиях тайги.

Один в дорогу провожал
позеленелыми крестами,
другой вот этими руками
я по кирпичику слагал.

И корни древние, и новь...
И я делю все эти годы
с одним — сыновнюю любовь,
с другим — отцовские заботы.

«Едва прикрыта ветошью ветвей...»

Едва прикрыта ветошью ветвей,
дрожит береза от знобящей стужи.
А рядом, в шубу зарываясь глубже,
утрюмый кедр склоняется над ней.

Он мудр. Он много видел на веку.
Он ни о чем выпрашивать не станет.
И молча белоснежных горностаев
в широких лапах держит на весу.

«В потоке железного гула...»

В потоке железного гула,
сквозь сизый бензиновый чад

вдруг холодом бездны дохнуло,
услышал я: травы кричат!

Увидел я: корчатся корни
в осаде отравленных вод
и воздух свинцово-тлетворный
прохожих за горло берет...

Но миг —
и исчезли виденья,
и голос тревожный пропал...
На улице, полной движенья,
я знака зеленого ждал.

А мимо победно летели
«ИЖи», «Москвичи», «Жигули»,
и люди красиво сидели,
картинно сжимая рули.

И тополи тихо шуршали,
сирень за оградой цвела,
и девочка розовый шарик
на тоненькой нитке вела.

Потом перешел я дорогу
и дальше пошел по весне...
Но странная эта тревога
жива и поныне во мне.

«Я не знаю, какими снами...»

Я не знаю,
какими снами
завораживал Дивногорск...
Горностаевыми снегами?
Хвойным ветром Саянских гор?

Только мне
навек незабвенны
каждый камень его и гвоздь.
Десять лет моих неразменных,
как песчинки,
собрал он в горсть.

Он в фаворе теперь.
Куда там!
Стихотворцев одних — не счесть.
Есть в нем каменные палаты
и свои бюрократы есть...

Полыхая огнями кичливо,
торжествующе знаменит,
как на пленника,
молчаливо
на меня он сейчас глядит.
И все чаще,
ночами обугленными,
в предвесенних тревожных снах
вижу просеки непрорубленные
и костры на белых снегах.

А сегодня
в горячке страдной
я глаза поднял к облакам
и задумался как-то странно
вслед дюралевым журавлям.

«Отчаяннее и грозней...»

Отчаяннее и грозней,
от часа к часу прибывая,
к обрывам пену прибывая,
дурит
весенний Енисей.
То разольется он потоком,
захлестывая острова,
то заплутается в протоках
и мелкодонных рукавах.
И, подбирая без разбора
коряги, звезды и навоз,
обломки молний и заборов,
уносит их за сотни верст.
Он весь — разгулье,
весь — отвага.
Отплясывая на камнях,
неотбродившей
мутной брагой
играет в бурных берегах,

Но вот он
льется через лето
переливающейся лентой...
Ему знакомы пол-Земли,
На «ты»
он даже с Ледовитым.
Его повадки обрели
уверенную деловитость.
На вахте
в перехлесте гроз,
авралов,
будничных побудок
он продубился, как матрос,
железным запахом мазута,
и словно грузчика спина
на прогибающихся сходнях,
под грузом барж и теплоходов
его колышется волна.
Но сдержаннее и неспешней
ворочает двужильный стрежень.
Нежнее на литых руках
покачивает облака...
И затаенное дыханье,
и все яснее глубина,
и откровенней очертанья
его загадочного дна,
где, береженные веками,
сквозь линзу выпуклой волны
просвечивают смутно камни,
как зерна яблок наливных...

Белые леса

Я в белые вхожу леса,
заиндевелые, седые,
совсем как будто неживые,
остекленелые леса.

И исподволь меня берет
необъяснимое смятенье:
что это,
снова настает
великое оледененье?

Ни зверь, ни птица не вспугнет
оцепенелого молчанья,
лишь семицветное мерцанье
в недвижимом воздухе живет.

И сам уже полуживой,
стою я,
весь в пыли стеклянной,
как тот солдатик оловянный,
не в силах сладить с немотой.

Весна в тайге

Ручей до дна
смородиной пропах.
Но есть еще в нем
Пресный привкус снега.
Через колодник
Верткая тропа
Легко и круто
Прыгает с разбега.
Премудрая старушка —
Тишина
Следит за ней сторожко
Из-за кочки.
Как в спичечной головке,
В каждой почке
Искринка солнца заморожена.
Поклон тебе, весенняя земля!
И вещим снам и помыслам высоким.
В тугих стволах
живые стонут соки,
И вторит им тревожно
Кровь моя.
И я стою неслышен.
Чуть дышу.
Врастают в землю ноги,
словно корни,
И ветви гибких рук над кряжем горным
все выше и свободней возношу.
В лицо ударил ветер горячо.
Но не могу уже пошевелиться.
И солнце вечеряющее

Птицей
садится мне
На левое плечо.

Дивногорск

Неотглаженный и горластый,
работящий и гулевой,
между сопок и скал клыкастых
дерзко втиснулся город мой.

Просмоленный, таежный, бревенчатый,
молодежный,
многоступенчатый...
Свой! Своими руками рубленный,
в дикий берег упрямо вросший.
Дивный! Грязный,
Хваленый и руганный,
на все города не похожий.

Здесь снега на улицах белые,
а весна от жарков оранжева.
Здесь медведицы неробелые
по дворам на цепях расхаживают.

Здесь кострами ночи распуганы,
здесь дороги до звона укатаны
и монашьи тропы распутаны,
и грядущего трассы угаданы,
Знаю — будут дома-громадины,
богатырская встанет ГЭС,
верю — здесь соберут романтики
свой Всемирный Конгресс!

Лето

Долдонят о Сибири:
Мол, стужами грозна-с...
А солнце
медной гирей
придавило нас.

В желтый полдень
немо,
как жидкое стекло,
расплавленное небо
на головы текло.
Взвизгивали дрели,
грелись топоры,
пилы свирепели
от адовой жары...
Во рту,
как в Сахаре:
язык —
сухарем.
К ведру мы присыхали,
не отогнать дубьем.
И обмякали плечи,
брала истома в плен,
и руки,
словно плети,
свисали до колен.
Текла смола густая
по щекам стропил...
Вот она какая,
матушка Сибирь!

Начало

Вначале было дело.
Мох. Сосны. «Гражданстрой».
И первый шаг несмелый
корежистой тропой.

Мечтателей лобастых
встретили, звеня,
железные лопаты,
чугунная земля.

Начало как начало.
Как тысячи начал.
Отчаянье качало
палатку по ночам.

Но улицей вставала
таежная тропа
и резче проступала
моя судьба.
Каленая. Крутая.
Рисковая, как нож.

Не лестью побеждая,
а яростным:
«Даешь!»
В какой грязище ноги
тонули,
бог ты мой!..

А нынче снится многим
мой город голубой,
как из туманов белых
и сосен-щеголих
восходит он —
и дело,
и жизнь моя,
и стих.

Сначала было слово

И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут.

А.С. Пушкин

Ротациями, радио, кино
Размножено, усилено громово —
Теперь оно, как танк, оснащено
Живое человеческое слово.

Но почему же из таких сетей
Жизнь, как волна морская, ускользает?
И мастер удрученно умолкает
Со всей электротехникой своей...

А ведь была наивная пора:
В ночи свеча трескучая мерцала,

И с кончика гусиного пера
За словом слово истово стекало...

Движенья дней и тайные грешки,
Дела и думы, что в тиши рождались,
Свободным мановением руки
Несуетливо запечатлевались.

Ползло перо, старательно скрепя,
Как дедовская старая телега...
И говорилось вроде для себя,
А становилось исповедью века.

Сочинение

Война. Сибирь. Зима. Наш класс холодный.
Сижу за партой, сгорблен и угрюм,
И вывожу: «Дорогою свободной
Иди, куда влечет... свободный ум...»

На пальчики замерзшие дыша,
Изведавшая горюшка немало,
Учительница — светлая душа —
Нам Пушкина в ту зиму открывала...

И явленное ей издалека,
Звучащее то нежно, то сурово,
Отогревало пушкинское слово
И распрямляла гордая строка.

И вечность раздвигала окоем.
Манили даль и небо грозное.
И шел я в жизнь завещанным путем
За неизбывно-памятной строкою.

Бывает тошно от постылых дум.
Дух омрачен бедою всенародной.
Но тою же дорогою свободной
Иду, куда влечет свободный ум!

Не ведаю, к какому рубежу
Дойти дано с друзьями, в одиночку...
Но это сочиненье допишу!

А там — пускай Всевышний ставит точку.

Таежная улица

Она, в начале сотворенья,
синяя просекой вдали,
являла пней нагроможденье
и развороченной земли.

Но вот уже среди погрома
еще с щепой перед крыльцом,
три свежесрубленные дома
своих приветили жильцов.

И, вроде бы, как между делом,
(живой, хоть лириками бит)
еще наивный, неумелый,
пошел налаживаться быт.

И вот домашними борщами
в тайге запахло поутру,
и ребяшня между домами
свою затеяла игру.

А в полдень
юная мамаша
сама, как солнышко светла,
посапывающих двойняшек
во двор торжественно внесла.

Они начмокивали соски
под вековечное «баю».
Им сбереженные березки
тень предоставили свою.

А мой напарник суматошный
изрек,
улыбку обронив:
— И с этой улицы таежной
начнется Родина для них.

Мы лес валили,
крыши крыли

и воевали с мошкаррой,
а выходило,
вроде были
творцы истории самой...

Мой друг смутился с непривычки,
Что так возвышенно сказал,
И гвоздь последний в обналичку
по шляпку яростно вогнал.

Утро в Саянах

Я замер оробело
в плену у высоты,
когда в тумане белом
ворочались хребты.

И сутемки забились
под камни и в кусты,
и чуть зашевелились
вершинные листы.

И серебром гремучим
в светающую высь
по кручам и по сучьям
неслось:
«Цвень-цвень, цвись-цвись...»

О, веянье хвоинок
на медленном ветру!..
Под кедром-исполином
стою я поутру.
Торжественно и стройно
восходит из глубин
высокого настроя
органный гул тайги...

И мир, угрюм и нежен,
лежит передо мной,
и до седьмого неба
подать рукой.